

Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак

А.А. Романов, Л.А. Романова

В статье рассматривается (анализируется) проблема «регулятивного механизма» распространения и внедрения «вирусных» или информационно преобладающих коммуникативно-конструктивных практик в медийное пространство, чтобы создать условия массивованного давления с целью реализации незаметного (скрытного) внедрения в массовое сознание «вирусных» идей, установок и ценностей, разрушающих привычные жизненные уклады, национально - культурные устои, шаблоны и языковые паттерны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс, дискурсивная реальность, «окно» дискурса, веерный «сдвиг», «вирусная» информация, «бенефициарная коммуникация», «психологическое» воздействие, регулятивный механизм, коммуникативный конструкт, «туннельный (фреймовый) знак-конструкт»

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций (ТИПЛиМК) ТГСХА, заслуженный деятель науки РФ. romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ТГСХА. romanov_tgsha@mail.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А. Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 1–32. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Vector focus of reshaped immersion in discursive space of information attack

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova

The article deals with (analyzes) the problem of «regulative mechanism» of spreading and introducing «viral» or informationally prevailing communicative constructive practices into the media space to create conditions for massive pressure in order to realize an inconspicuous (secretive) introduction into the mass consciousness of «viral» ideas, attitudes and values that destroy habitual life styles, national cultural foundations, patterns and language patterns.

KEY WORDS: discourse, discourse reality, discourse «window», fan «shift», «viral» information, «beneficiary communication», «psychological» impact, regulatory mechanism, communicative construct, «tunnel (frame) sign-construct»

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, Professor, Head of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, Professor, Professor of the theory of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. romanov_tgsha@mail.ru

Citation: Romanov A.A. Vector focus of reshaped immersion in discursive space of information attack // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 2. P. 1–32. Access mode: www.tverlingua.ru

*Все ценности ценны, если
откажешься от других ценностей.*

Т.Г. Зиммель

Не веривший ли в справедливость

Приходил

К сознанию, что надо уничтожить

Для торжества её

Сначала всех людей?

М.А. Волошин

В работах, посвященных описанию «регулятивного механизма» распространения и внедрения «вирусных» или информационно преобладающих коммуникативно-конструктивных практик в медийное пространство, способных увеличивать потенциал информационного влияния, превосходства, преобладания и массированного давления с целью изменения в собственных интересах субъекта информационного доминирования и получения собственной бенефициарности результатов запланированного восприятия массовым адресатом окружающей (создаваемой) реальности, отмечается, что конструирование медийных смыслов и их ретрансляции посредством развитой системы публичных коммуникативных посланий приобретает сегодня все бóльшую значимость в контексте различных глобальных информационных противостояний, противоборств, конфликтов и «войн». В этом контексте используемые в различных современных массмедийных сферах понятия и словосочетания «сетевых – информационных – смысловых vs когнитивных / концептуальных – психологических – информационно-психологических – консциентальных (от лат. «conscientia» – сознание) войн» очень часто трактуются как «новый тип ведения войн», а именно – тип «войн» в сфере когнитивного пространства человека за информационные ресурсы (Романов, 1995; 1999; 1999а; 2000; 2000а; 2001; 2002; 2004; 2015; 2016; 2016а; 2016б; 2017; 2017а; Романов,

Малышева, 2014; 2015; 2016; Романов, Морозова, 2015; Романов, Новоселова, 2013; Романов, Романова, 2015; 2017; 2017*a*). Мануэль Кастельс (2016: 19-20), опираясь при анализе власти коммуникации в обществе на последние достижения нейронауки в изучении эмоционального интеллекта, позволяющие успешно использовать техники так называемой каскадной активации, фрейминга, прайминга и других методов воздействия на зрителя / читателя / слушателя, отмечает: «Наиболее фундаментальная форма власти состоит в способности формировать человеческое сознание. ... Если фундаментальная битва за определение норм в обществе и применение этих норм в повседневной жизни происходят вокруг формирования человеческого сознания, то *коммуникация* является *эпицентром этой битвы*.... Власть больше, чем коммуникация, а коммуникация больше, чем власть. Коммуникационная власть находится в сердце структуры и динамики общества» (курсив – наш).

В любой из отмеченных разновидностей противоборств такие «войны» являются собой «высшую форму информационно-психологических войн», которая (т.е. «форма ведения войны») предстает в виде «согласованной по целям, задачам, месту и времени системы информационно-пропагандистских и психологических мер, проводимых с применением средств массовой информации, культуры, искусства и других (психотропных, психотронных) средств в течение длительного времени по тщательно разработанному сценарию» (ср.: Алексеев, Алексеева, 2016; Астахов, Ростовцев, Яфраков, 2007; Барабаши, Бонабо, 2003; Ершова, 2014; Кастельс, 2016; Кокошин, 2014; 2016; Почепцов, 1999; 2000; 2015; Раскин, 2015; Раскин, Пеляк, 2005; Романов, 1999; 2002; 2004; 2014; Романов, Малышева, Новоселова, 2014; 2014*a*; Романов, Морозова, 2015; Романов, Морозова, Романова, 2015; 2015*a*; Романов, Новоселова, 2013; Libicki, 1996; 2007; Romanov, Romanova, 2012; 2012*a*).

Когнитивно-дискурсивный подход к «динамическому моделированию регулятивного пространства диалогического vs дискурсивного

взаимодействия» предоставляет возможность рассматривать процесс быстрого и эффективного распространения «срежиссированной» – то есть постановочной, заранее сконструированной и придающей по своему усмотрению, замыслу, плану и желанию событиям, фактам, явлениям целенаправленные конфигурационные очертания и соответствующие субъективные оценки – дискурсивной реальности, способной посредством информационных посланий (сообщений, коммуникативно-дискурсивных практик) создавать возможности и условия реализации незаметного (скрытого) внедрения в массовое сознание «вирусных» идей, установок и ценностей, «прошивающих насквозь» и разрушающих привычные жизненные уклады, национально - культурные устои, шаблоны и языковые паттерны (Романов, 1988; 1999; 2002; 2004; 2015; 2016; 2016*a*; 2016*б*; 2017; 2017*a*; Романов, Малышева, 2014; 2015; 2016; Романов, Романова, 2015; 2017; 2017*a*; Романов, Морозова, Романова, 2015; 2015*a*). Иными словами, срежиссированное информационное послание строится продуцентом по определенным заранее установленным сюжетам и конкретному умыслу, то есть распространение такого послания уже прагматически обусловлено.

В рамках динамической модели пошаговой (постепенной, согласованной и кооперативной или синергийной) реализации регулятивного пространства дискурсивного взаимодействия, организованного его участниками по принципу совместного векторного погружения в *гиперфреймовую организацию туннельных сценариев* дискурсивной локализации в пределах (границах) социального континуума типовых или конкретных функционально-семантических представлений (ФСП), осуществляется «внедрение» (функционально-прагматическое использование) информационных посланий (дискурсивно-коммуникативных практик) в массовое сознание с целью «результативного реформирования контрарно противопоставленных или контрарно противопоставляемых оценок общественного мнения с негативных и, на первый взгляд, абсолютно неприемлемых на позитивные и возможные»,

чтобы описываемые или передаваемые события (данные, сведения, факты) могли приобретать «спектаклеобразную» форму (Романов, 1984: 102-111; 1988: 15-22, 28-68; 2002: 58-92; 2016: 92; 2017; Романова, 2007; 2009). Частным примером таких «спектаклеобразных» форм могут служить распространяемые в различных СМИ постановочные «фоторепортажи» так называемых «Белых касок» в Сирии.

Схематически такую гиперфреймовую туннельную организацию в виде функционально-семантического представления (ФСП) взаимодействия в рамках типового дискурса-конструкта (например, дискурса-описания или дискурса-констатации и т.п.) можно представить в качестве согласованного набора последовательных чередований соответствующих дискурсивных интерактивных цепочек:

Утверждать (Г, С, р) – – УПС → р – любое;

Утверждать (Г, С, р) – – А-1 → демонстрировать (Г, истинно (р));

Утверждать (Г, С, р) – – А-2 → предполагать (Г, не утверждать (Г, С, р) → не знать (С, существовать (р))));

Утверждать (Г, С, р) – – УГ → верить (Г, истинно (р));

Утверждать (Г, С, р) – – УИ → ручаться (Г, истинно (р));

Утверждать (Г, С, р) – – УОД → намереваться (Г, каузировать (Г, становиться (знать (С, р)))).

В предлагаемой записи символ р обозначает пропозициональное содержание дискурсивно-коммуникативной практики или совокупности набора практик, УПС – условия пропозиционального содержания, А-1, А-2 и А-п – дополнительные условия дискурсивной локализации в пределах социального континуума, УИ – условия иллокутивного содержания, УГ – условия отправителя или автора дискурсивно-коммуникативных практик, УОД – условия ожидаемого действия или результирующего эффекта, Г и С – участники дискурсивного взаимодействия: отправитель и получатель, адресат. Знак ^ читается как «включает», а стрелка читается как «следует». Предварительные условия функционирования данного прагматического типа

фреймовой конфигурации таковы: а) принцип коммуникативной заинтересованности – любой, б) сотрудничество – любое, но при большей заинтересованности говорящего, в) отношения – любые. Кодекс доверия обуславливает принятие истинности утверждения со стороны адресата, т.е. слушающий доверяет говорящему настолько, чтобы считать его утверждение истинным.

Важно иметь в виду, что туннельные организации дискурсивного взаимодействия практически похожи друг на друга по типовым интерактивным цепочкам, но отличаются друг от друга специфическими условиями реализации иллокутивных показателей (маркеров) фреймообразующих вершин ФСП. Так, в частности, дискурсивное взаимодействие в пределах коммуникативного «туннельного» знака-конструкта «обвинение» или «упрек» будут иметь сходный набор интерактивных цепочек векторной направленности периформатирующего погружения с выше обозначенным сценарием типового дискурса-описания «утверждение», ср.:

Упрекать (Г, С, р) – – УПС → фактуализация (р);

Упрекать (Г, С, р) – – А-1 → предполагать (Г, быть в состоянии (С, воспринимать (оценивать (С, быть сопричастным (– С, р)))));

Упрекать (Г, С, р) – – А-2 → предполагать (Г, [не упрекать (Г, С, р) → не желать (Г, воспринимать (– С, р))]);

Упрекать (Г, С, р) – – УГ → желать (Г, воспринимать (– С, р));

Упрекать (Г, С, р) – – УИ → ругаться (Г, желать (Г, воспринимать / оценивать (– С, р))));

Упрекать (Г, С, р) – – УОД → намереваться (Г, каузировать (Г, становиться / воспринимать (С, быть сопричастным (С, быть сопричастным (– С, р)))).

Дополнительные условия группы (А, А-1–А-п) в *упреках* и *обвинениях* следующие: **а)** принцип коммуникативной заинтересованности – в пользу говорящего / отправителя, **б)** сотрудничество – любое, но при полной

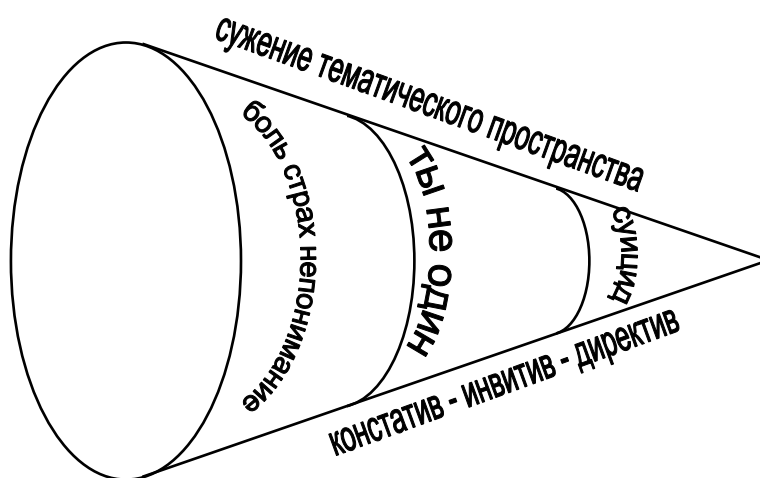
заинтересованности говорящего / отправителя, **в**) отношения – любые: от равноположенных до антагонистических или зависимых (ср. у И.А. Крылова: «У сильного всегда бессильный виноват»). *Кодекс доверия* – любой, практически от полного доверия до полного недоверия; выбор кодекса доверия напрямую не зависит от того, являются ли представленные доказательства реальными, фактическими или вербально-доксальными, медийными; случаи, когда, например, упрек служит каузатором реализации другой иллокутивной функции здесь не рассматриваются (подробнее о специфике реализации ФСП см.: Романов, 1984: 82-92; 1988: 28-68; 2005; 2006: 15-37, 106-116).

Векторная направленность переформатирующего погружения способна при помощи дискурсивных практик как вербальных «психологических орудий и их сложных систем», включая «язык, мнотехнические приспособления, алгебраическую символику, произведения искусства, письмо, схемы, диаграммы, карты, чертежи, всевозможные условные знаки и т.д.» (Выготский, 1982: 103), создавать информационную сферу (инфосферу) в качестве «новой территории, открытой для человеческого взаимодействия, расширения экономики и, в особенности, для социальных и политических махинаций» (Рашкофф, 2003: 9). В указанном смысле векторная направленность конкретного «веерного сдвига» окна дискурсивно-коммуникативных практик служит определенным навигатором, указывающим участникам регулятивного взаимодействия направление совместного продвижения по «оси движения дискурса» в рамках сценарного знака-конструкта, чтобы путем дальнейшей медийной раскрутки реально предложенная отправителем для внедрения и имплантирования совокупность означающих форм-практик могла служить основанием (основой) для расширения (векторная модель **Б**) или сужения (векторная модель **А**) набора их *параметров мерности* (т.е. «окна дискурса» или «дискурсивного окна»), окунаясь в которую (т.е. в совокупность форм-практик), адресат как говорящий субъект смог бы *восполнять* (интерпретировать, оценивать,

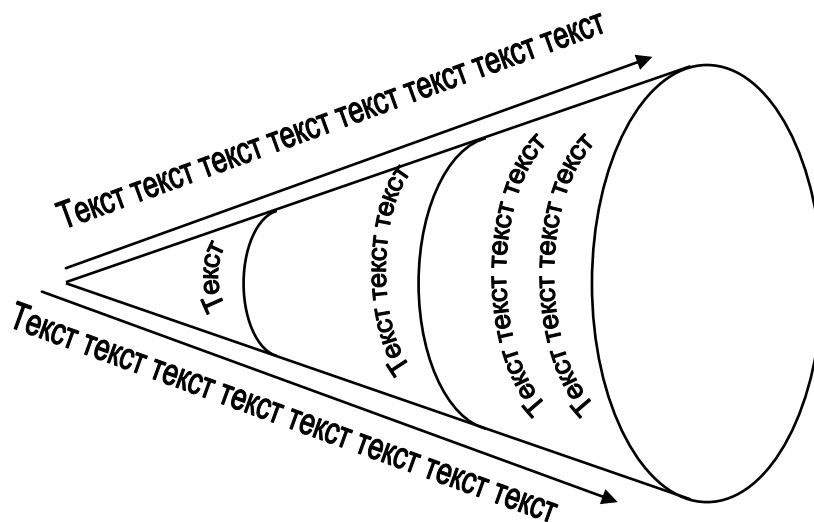
объяснять) *на свой лад* наличие или отсутствие предметной соотнесённости пропозиционального содержания с планом выражения форм-практик *и верить* в своё объяснение.

Процесс расширения (модель Б) или сужения (модель А) параметров мерности переформатирующего погружения участников в информационную сферу (инфосферу) в качестве «новой территории, открытой для человеческого взаимодействия и воздействия, можно представить в виде следующих разнонаправленных конусных построений:

А) векторная *модель сужения* веерного сдвига дискурсивного «окна»

Б) векторная *модель расширения* веерного сдвига дискурсивного «окна»

Параметры мерности – это дифференциально-значимые признаки, которые контрастно представлены на горизонтальной (временной) оси дискурсивно-интерактивного пространства туннельного знака-конструкта, –

например, «обвинение», «упрек», «угроза», «утешение» – в субъективно-оценочных величинах, находящихся в пределах от диаметрально противоположных до возможных, приемлемых, неприемлемых или абсолютно нейтральных. Расположенные на временной оси значения дискурсивного взаимодействия параметры мерности находятся в зависимости от направления движения отправителя и адресата в интерактивном пространстве туннельного дискурса-конструкта «обвинение», а именно от движения с нейтральной точки (зоны) под названием «действующая (принятая) норма» в левую или в правую стороны. Движение влево или вправо по линии объёма (шкалы) от нулевой (нейтральной) точки оси дискурса, представляющей действующую норму ментального состояния в социуме, может каузировать (быть причиной) или просто продуцировать *чередой последовательно возрастающих – понижающих оценок* этой нормы в обществе в пределах их веерного сдвига: «стандартно – разумно – приемлемо – допустимо – необычно (неслыханно, радикально, на грани допустимого) – немыслимо». Пределы такого веерного сдвига будут отражать *степень* свободы или несвободы их распространения и соответствующей приемлемости или неприемлемости в социуме: *большую*, если двигаться влево по линии объёма или шкалы, и *меньшую* (понижающую), если двигаться вправо.

Движение участников интерактивного обмена в том или ином направлении по оси дискурса в пределах выбранной (предложенной инициатором) очередности оценок объёма (шкалы) мерностей туннельного дискурсивного конструкта демонстрирует *мерное перемещение* – от возможного до потенциального или потенциально возможного, в соответствии с предлагаемой (или уже предложенной) и принятой (т.е. уже закрепленной) в ментальности социума мерой – пространства дискурса, т.е. перемещение его «*окна действий*» (вербальных операций, суждений, посланий в виде коммуникативных практик, видеосюжетов, фотографий, карикатур и т.п.) или «*границы окна*», в которое (дискурсивное

пространство) участники вместе или каждый по отдельности могут самостоятельно входить или не входить (погружаться или не погружаться), чтобы по степени выбранной ими приемлемости своих действий и действий другого (т.е. действий отправителя и получателя, адресата) интерпретировать и оценивать их по шкале «*принимаю*» или «*не принимаю*» в качестве руководства к действию (см. подробнее: Романов, Немец, 2006: 48-82; Романов, Немец, Романова, 2006).

Коммуникативный дискурс-конструкт – это смысловая единица более высокого уровня, чем понятие, это «трактовка ментальной репрезентации как специфического языка мышления» (Келли, 2000: 228), это контрарный тип отношения «мерностей» на протяжении семантического объёма его как «туннельного» знака. В этом процессе (т.е. в трактовке и оценке, в реализации мерности) отправной точкой является сам человек как *когнитивный агент* независимо от его коммуникативной роли, который *самостоятельно производит отсчет для себя, для своей деятельности и для выработки ориентационных форм поведения*. В этом процессе человек, оказавшийся погруженным в пространство (границы) дискурсивного окна, воспринимает через «туннельный» знак «внешнее» (окружающий мир) через «внутреннее» (свое сознание и осознание), причем границы образа мира и образа себя, включая модальности своего Я, в этом мире становятся уже достаточно подвижными (Романов, Немец, 2006; Романов, Немец, Романова, 2006; Романова, 2005; 2007; 2009; 2009а).

Во взаимодействии с предложенными со стороны отправителя инициативными дискурсивными практиками-оценками, включающими в своё содержание те или иные параметры мерности по оси дискурса, адресат творит (создает) для себя свою дискурсивную реальность, убеждая себя в том, что *существует то, что* или *о чем говорят*, и размещает себя в этой реальности в пределах своей веры и параметров мерности о субъективной предметности либо с учетом наличия предложенных форм самих дискурсивных практик (т.е. с учетом наличия их планов выражений), либо с

учетом наличия собственной интерпретации, знаний, оценки и установки, не утруждая себя подкреплением своей субъективной позиции процедурой возможного верифицирования этих практик. Поэтому он просто полагается только на веру (или исходит из веры) в то, что высказанное (или выраженное) в предлагаемом формате (окне) дискурса и есть фактуальность (Романов, 2016; 2017).

Формирование конкретной направленности «окна» («границ») дискурсивной реальности осуществляется в процессе наведения (т.е. в момент взаимодействия «я – здесь – сейчас» между отправителем и адресатом) нужного параметра мерности (т.е. в процессе *веерного сдвига*) в совместную общую «информационно-тематическую территорию» (дискурсивную инфосферу), что позволяет не только контролировать протекающие в ней самой процессы, но и дискурсивно оказывать активное влияние на восприятие (массовым) адресатом предлагаемой дискурсивным «окном» оценки создаваемой реальности со всеми особенностями диапазонов выработки решений и установки «участвовать – не участвовать», «принимать – не принимать», «суживать – расширять» (ср. выше векторные модели А и Б).

В этом плане дискурс предстает, по выражению Л.С. Выготского, «психологическим орудием системы средств формирования человеческого сознания». И в этом качестве – в качестве «орудийного» элемента инфосферы – он оказывается «включенным в процесс поведения» массового адресата как потребителя сконструированной и целенаправленной информации и способен «видоизменять всё протекание и всю структуру психических функций» такого потребителя, «определяя своими свойствами строение нового ... искусственного ... инструментального акта», т.е. каузатора внедрения и дальнейшего распространения «вирусного» объема окна дискурсивной реальности в инфосферу. Примечательно, что эти «искусственные (инструментальные) акты ... суть те же естественные», которые «могут быть без остатка, до самого конца разложены и сведены к

этим последним» (Выготский, 1982: 103-104). При этом важно иметь в виду, что в инструментальных (созданных и создаваемых) актах «искусственной является комбинация (конструкции)» и «направленность, замещение и использование этих естественных процессов», а их *функциональная специфика* базируется на использовании других – не прямых – ассоциативных («условнорефлекторных») связей, которые уже обусловлены применением «психологического орудия», хотя и «ведут к тому же результату, но другим путем» (см.: Выготский, 1982: 104). В свете таких «непрямых ассоциаций» и «условнорефлекторных связей» действия инициатора по «веерным сдвигам» могут быть приравнены к *манипулятивным* (спин-докторинговым) *действиям*, т.е. действиям, направленным на изменение психологических установок, ценностных ориентаций, поведения индивидов и целых аудиторий *независимо от их желания*, отличающихся скрытым характером воздействия. Одновременно при этом сокрытию подвергаются не только цели, интересы или намерения манипулятора, но также и сам факт их возможного наличия.

Манипулятивный механизм «веерного сдвига», смены «рамки допустимого» и «возможного» в пределах создаваемой дискурсивной реальности с целью продвижения в массовое сознание необычной, немислимой идеи есть *последовательность* таких действий-оценок по «оси дискурса», постепенное исполнение которых в рамках туннельного дискурсивного конструкта, начиная от *немислимых* к *радикальным*, а затем к *приемлемым* и *разумным* и, наконец, к *стандартным* и *нормативным*, неизбежно приведет к запланированному (желаемому, ожидаемому) результату, а именно – общество смирится с этими оценками и примет их сначала в качестве *допустимых*, а затем и в качестве *нормативных*.

При этом важно учесть, что каждый «веерный сдвиг» (этап) дискурсивных рамок «допустимого» и «возможного» требует применения своих конкретных, в том числе и спин-докторинговых, технологий, к разряду которых можно отнести следующие:

– **технология** «информационного вброса и последующей массивированной раскрутки во всех СМИ» (главным образом, на телеканалах и ведущих печатных изданиях) с целью фокусировки «определенного окна» и в «определенном значении», в терминологии К. Пайка (1992: 14, 19; ср.: в одном и том же тагменном окне (seat), в определенном значении») в качестве *главной информационной темы*,

– **технология** «квазинаучного обсуждения» (диспуты, семинары, конференции, всевозможные ток-шоу),

– **технология** «подмены подлинного названия идеи» с целью увести суть проблемы от её обозначения, например, вместо переворота – «революция достоинства», «революция роз» или какие-либо иные названия типа «бархатная революция», вместо запрещенных попыток – «расширенные методы дознания», вместо «уничтожить террористов» – «нейтрализовать террористов» и т.п.,

– **технология** «создание опорного прецедента» в истории, в настоящем или в мифическом будущем», когда подбирается нечто похожее в историческом развитии общества или придумывается какой-либо исторический факт, аналогия, или просто создается «вербальный миф» личности политику, фирме, продукту (Романов, 1988; 2000; 2000а; 2001; 2004; 2015; Романов, Черепанова, Ходырев, 1997; Романов, Черепанова, 1998; Романов, Романова Е., Воеводкин, 2000),

– **технология** «возведения идеи в Топ»,

– **технология** «экспертного мнения»,

– **технология** «мнения медийных персон и иных знаменитостей»,

– **технология** «составления всевозможных рейтингов популярности идеи / проблемы» (Романов, 2002; 2002а; 2004; 2015; 2016; 2016а; 2017; 2017а; Романов, Морозова, Романова, 2015; 2015а; Романов, Романова, 2017; Романов, Романова, Новоселова, 2015; 2016) в различных «информационных бюллетенях» или «протоколах действующей власти», по выражению Дж. Сола (2007: 31). Вполне очевидно, что технология «дискурсивного окна» или

«окна дискурса» представляет собой *гипертехнологию* информационно-медийного воздействия, включая в себя целый *комплекс* манипулятивных технологий неявного внедрения в массовое сознание и распространения в нем самых разнообразных идей в заданных пределах – от немыслимых до абсолютно неприемлемых и даже противоречивых. В этой связи было бы любопытно проследить возможное построение типологии (-ий), в которых можно было бы проследить соответствующую корреляцию между типами оценок и типами технологий с учетом эффективности такого соотношения.

Воздействие манипулятивного механизма «веерного сдвига» или смены дискурсивных «рамочек допустимого» и «возможного» может быть интенсифицировано (расширено) или ослаблено (сужено), если при его проецировании в пределах создаваемой дискурсивной реальности на коммуникативную деятельность человека в соотношении «человек – сознание – язык» увязать этот механизм с типовыми фреймовыми конфигурациями смыслов, идей или мотивов в языковом сознании индивида, где смысл или мотив будут являть собой меметико-регулятивный аналог предлагаемой в «веерном сдвиге» идеи, различие в оценке и интерпретации которых и будет задавать индивидуальную специфику «туннеля реальности», где окажется человек, чтобы разместить в нем себя (Романов, Романова, Федосеева, 2013: 8-9). Очевидно, что такой *туннель* будет представлять собой некий конкретный *знаковый* (вербальный) *коммуникативный конструкт*, соотносимый с индивидуальным ментальным пространством, мерности которого будут определять уровень целостности в восприятии мира таким человеком.

В качестве ступени (или одной из ступеней) такого уровня погруженности в рамках «туннельного знака-конструкта» можно рассматривать предложенное ранее *пошаговое дискурсивное взаимодействие* собеседников как их попытку (см. цепочки взаимодействия в типовых ФСП) достичь указанного «*синтеза*» в определенном формате действий (вербальных коммуникативных практик как социально обусловленных

действий) в определенной «фигуре, фигурности» (т.е. вербальной манифестации), где «в пространстве и времени происходят синтезы многообразия **чувственных элементов**.... И уж после этого синтеза материал подается рассудку» (Белый, 1991: 16; здесь и выше курсив наш. Ср. также сходные замечания Дж.Р. Сёрла, 2002: 132-133 о «форме-основании и гештальтной структуре сознательного опыта» и конституентах «единого поля сознания» в работе: Сёрль, 2004: 298-301).

Вполне логично предположить, что на этой платформе может базироваться функциональный механизм «окна дискурса» вообще, и, в частности, его манипулятивный (скрытый) механизм воздействия конкретной мерности «веерного сдвига» такого «окна», где оба механизма, по А. Белому (1991: 18), *одновременно*, т.е. синтезируя в пространстве и во времени, **организуют** сознание человека в «*объеме оформленной чувственности*» и **воссоздают** в его сознании «образ природы, образ мира» и образ факта, представленного в дискурсивных практиках. И, как следствие, можно полагать, что привносимые манипулятивным механизмом «веерного сдвига» интенсивные изменения в оценках с использованием их «интенсивной глубины слов», по Б. Грассиану, вводятся «режиссерами» в массовое сознание адресата с целью создания новой (иной, другой) картины мира в ментальном пространстве (мозге) человека на основе массивного информирования (т.е. «смысловой бомбардировкой», по Ж. Бодрийару), которое, скорее, выполняет роль инструментария для последующих (пост-коммуникативных, результирующих) эффектов, в том числе и всевозможных изменений.

При этом необходимо обратить особое внимание на значимость «синтезированного многообразия чувственных элементов» и их роли в «*объеме оформленной чувственности в организации сознания человека*», по А. Белому, которые («чувственные» или эмоциональные элементы), по словам Г.М. Маклюэна (2004: 342) крайне влиятельны, значимы и важны в процессе восприятия мира: «Средства коммуникации, изменяя среду,

вызывают в нас необычайные соотношения чувственных восприятий. Расширение любого чувства *изменяет* образ нашего мышления и деятельности – нашего восприятия мира. Когда изменяются эти соотношения, изменяются и люди». Кстати сказать, в ряде работ уже отмечалось, что «чувственные элементы» не только «вливают на изменение образа мышления и деятельности» человека, но и в определенной степени «формируют через вербальное выражение эмоциональных установок его образ, манеру переживаний и поведения гораздо более очевидными, нежели чем прямое высказывание (т.е. прямо высказываемых или высказанных говорящим субъектом) утвердительных или отрицательных точек зрения», которые «выражаются (эксплицируются) на различных (в нашем случае – на семи) аффективных ступенях от «одобрения» («да – хорошо – интересно – безумно интересно – умилительно – торжественно – великолепно» до «неодобрения» («нет – неправильно – невозможно – не может быть и речи – исключено – никогда – ерунда / отвратительно» (Романов, 1995: 156-158; 2016a; 2017).

Вырисовывается картина, о которой говорил А. Трайндл (2007: 13, 17): «Без эмоций нет правды.... Человек сознательно воспринимает только то, что вызывает у него эмоции, связанные с удовольствием или, наоборот, со страданием.... Эмоции – глобальны, разум – локален». Ему вторит Мануэль Кастельс (2016: 65), невольно поддерживая идею А. Белого об «объеме оформленной чувственности в организации сознания человека» и значительно расширяя её: «Эмоции распознаются мозгом как чувства. ... Чувства возникают из эмоционально вызываемых изменений в мозгу, которые достигают уровня интенсивности, достаточного для того, чтобы возбудить процесс осознания. ... Чувства, а следовательно, и эмоции, от которых они происходят, играют фундаментальную роль *в определении направленности* мыслительного процесса». Опираясь на экспериментальные данные Антонио Дамазио, Кастельс (2016: 165-166) уточняет: «При этом необходимо понимать, что чувство не является простой расшифровкой той

или иной эмоции. Чувства возбуждают эмоции в мозгу в контексте памяти (т.е. чувства включают ассоциации с другими событиями, которые были либо непосредственно пережиты самим индивидом, либо переданы генетически или транслированы через культуру). Более того, эмоциональные паттерны берут свое начало из взаимодействия между характеристиками эмоционально значимых стимулов и особенностей когнитивной карты мозга конкретного индивидуума. ... Образы в нашем мозгу вызываются объектами или событиями. Мы не производим события, а обрабатываем их. Эмоции трансформируются в чувства только после завершения процесса самоопределения личности (сформированного Я). Только став известными сознающему Я, которое может идентифицировать чувства, чувства оказываются в состоянии управлять социальным поведением и, в конечном счете, влиять на принятие решений».

Отсюда реально полагать, что целенаправленно вызванная «веерным сдвигом» окна дискурса эмоция будет приводить «к сознательному восприятию» в положительном или отрицательном свете коммуникативные практики информационно-дискурсивного пространства. И уже по-новому звучат слова А. Белого (1991: 12-16): «Взгляд на мир ... и цвет мира зависит от мысли», которому вторит классик фотоискусства из Франции начала XX в. Анри Кретьен – Брессон: «Факт сам по себе не интересен, *интересна точка зрения*, с которой автор к нему подходит». Поэтому специфика вербальных манифестаций коммуникативных практик векторной направленности «сдвига» окна дискурса в рамках туннельного знака-конструкта заключается в том, что согласно основам вербального мифотворчества личности в определенной типовой (фреймовой) ситуации структура сознания такой личности способна повторять структуру «туннельной» дискурсивной реальности. И, больше того, сознание адресата как индивида также может структурироваться по тем же самым принципам, что и структурная (т.е. фреймовая) организация «туннельного» дискурсивного пространства.

Итак, вводя новую информацию посредством «веерного сдвига» дискурсивного окна, «режиссер-постановщик» такого манипулятивного процесса имплантирует новые коммуникативные практики и смыслы в сложившуюся социально-политическую систему общества, каузируя в нем вызов неизбежного противоборства и даже, быть может, прямого конфликта между привычными (устоявшимися, закреплёнными, принятыми) и новыми оценками, нормами, ценностями и формами поведения, нацеленными на внесение раскола в существующие в социуме отношения между структурами власти и гражданским обществом, понимаемым в обычном обиходном смысле, а не как политическая концепция, разработанная для стран бывшего социалистического лагеря с целью освобождения их от авторитарных режимов. Очевидно, что массивное закрепление «срежиссированных» vs «вирусных» новых коммуникативных практик на основе новых значений и смыслов «дискурсивного окна» способно результативно предлагать обществу новые нетрадиционные источники оценок и их последующее осмысление с целью принятия обществом этих оценок, чтобы направить их на раскол и изменение (трансформирование, переформатирование) привычного уклада жизни и устоявшихся отношений.

Ссылки – References in Russian

Алексеев, Алексеева, 2016 – *Алексеев А.П., Алексеева И.Ю.* Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5–14.

Астахов, Ростовцев, Яфраков – *Астахов М.А., Ростовцев Ю.Г., Яфраков М.Ф.* Информационная борьба и знаковые системы. М.: Издательство «Том», 2007.

Барабаши, Бонабо, 2003 – *Барабаши А.Л., Бонабо Э.* Безмасштабные сети // В мире науки. 2003. № 8. С. 55–63.

Белый, 1991: 12-16, 18 – *Белый А.* О смысле познания. Минск: Полифакт, 1991.

Беккер, 2002 – *Беккер К.* Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. Vienna: Selene, 2002.

Выготский, 1982: 103-104 – *Выготский Л.С.* Инструментальный метод в психологии // Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. С. 103–108.

Выготский, 1982 – *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982а. С. 6–361.

Ершова, 2014 – *Ершова Т.В.* Информационная война и вечные ценности // Информационное общество. 2014. № 1. С. 3–4.

Кастельс, 2004 – *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновна. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

Кастельс, 2004 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. Пер. с англ. Н.М. Тышлевич; под науч. ред. А.И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Келли, 2000: 228 – *Келли Дж.* Психология личности. Теория личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.

Кокошин, 2014 – *Кокошин А.В.* Взаимодействие политики и военной стратегии: теоретические и прикладные вопросы // Вопросы философии. 2014. С. 3–13.

Кокошин, 2016 – *Кокошин А.А.* Несколько измерений войны // Вопросы философии. 2016. С. 6–19.

Маклюэн, 2004: 342 – *Маклюэн М.* Средство само есть содержание // Информационное общество. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 341–349.

Пайк, 1992: 14, 19 – *Пайк К.* Американская интонация: парадигматика и синтагматика // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 8–24.

Почепцов, 1999 – *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. Ровно, 1999.

Почепцов, 2000 – *Почепцов Г.Г.* Психологические войны. М.: «Рефлбук», Киев: «Ваклер», 2000.

Почепцов, 2015 – *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015.

Раскин, Пеляк, 2005 – *Раскин А., Пеляк В.* К вопросу о сетевой войне // Военная мысль. 2005. № 3. С. 21–27.

Раскин, 2015 – *Раскин А.В.* Некоторые философские аспекты информационной войны // Информационные войны. 2015. № 3 (35). С. 18–21.

Рашкофф, 2003: 9 – *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Издательство: Ультра. Культура, 2003.

Романов, 1988: 15-22, 28-68 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: ИЯ АН СССР; Калининский СХИ, 1988.

Романов, 1995: 156-158 – *Романов А.А.* Грамматика деловых бесед. Тверь: Фамилиа, 1995.

Романов, 1999 – *Романов А.А.* Вербальный конфликт в диалогической «игре» // НОМО LUDENS / Человек играющий: Язык, личность, социум / Отв. ред. проф. А.А. Романов. М. – Тверь: ИЯ РАН, ТГСХА, 1999. С. 12–25.

Романов, 1999а – *Романов А.А.* Конфликтный дискурс политика // «Политический дискурс в России – 3». Материалы рабочего совещания 27-28 марта 1999. Ч.1. / Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. М.: ИЯ РАН; Диалог-МГУ, 1999а. С.123 –126.

Романов, 2000 – *Романов А.А.* Имидж политика в зеркале собственных оценочных речевых действий // Проблемы имиджелогии: Материалы 1-ой международной конф. 8–9 февраля 2000 г. в г. Кривом Роге (Украина). Кривой Рог, Киев: Европейский университет финансов, информационных систем, менеджмента и бизнеса. 2000. С. 29–40.

Романов, 2000а – *Романов А.А.* Оценка как способ фиксации конфликтности речевого поведения политика // Политический дискурс в России – 4. Материалы рабочего совещания 22 апреля 2000 года. М.: ИЯ РАН, Диалог-МГУ, 2000а. С. 83–89.

Романов, 2001 – *Романов А.А.* Оценка как способ фиксации и интерпретации конфликтных форм речевого общения (на материале речевой дискурсии политика) // ТЕКСТ versus ДИСКУРС: Проблемы понимания и интерпретации. Сб. научн. трудов / Отв. ред. проф. А.А. Романов. М. – Тверь: ИЯ РАН; ТИЭМ; ТГСХА, 2001. С. 96–106.

Романов, 2002: 58-92 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика: функциональный подход. Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2002.

Романов, 2004 – *Романов А.А.* Суггестивная модель речевого общения: Манипуляция или игра со смыслами? // Homo mendax / Человек лживый. Межвуз. сб. научн. трудов. Отв. ред. проф. А.А. Романов. М. – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2004. С. 3–26.

Романов, 2015 – *Романов А.А.* Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда / Language, Communication and Social Environment. Вып. 13. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2015. С. 87–116.

Романов, 2016 – *Романов А.А.* Механизм распространения «вирусных» идей в инфосфере регулятивно-меметической реальности // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 2. С. 1–19. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, 2016а – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016а. № 4. С. 1–35. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, 2016б – *Романов А.А.* Бенефициарные смыслы в информативной медиа-сфере // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Сб. научн. трудов XVI Международн. научно-практич. конф.

«Лингвистические и культурологические традиции и инновации». Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2016б. С. 221–227.

Романов, 2017 – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной практике: Материалы Междунар. научно-практ. конф. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. С. 205–214.

Романов, 2017а – *Романов А.А.* Дигитальная коммуникация и её роль в медийном пространстве информационного общества // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017а. № 4. С. 1–20. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Малышева, 2014 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Спин-докторинговая реализация «принципа каузальной последовательности» ментальных репрезентаций в структуре фреймовой конфигурации // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Международн. научн. семинар. Ч. I. Сб. науч. работ. Белгород: БелГУ, 2014. С. 158–164.

Романов, Малышева, 2015 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Манипулятивная коммуникация в системе сетевых «информационных войн» // Жизнь языка в культуре и социуме –5. Материалы международн. научн. конф. М.: Канцлер, 2015. С. 225–226.

Романов, Малышева, 2016 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Семантическое манипулирование как форма сетевого воздействия // Психолингвистика и лексикография: сб. научн. трудов. Вып. 3 / Научн. ред. А.В. Рудакова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2016. С. 166–169.

Романов, Немец, 2006 – *Романов А.А., Немец Н.Г.* Дискурс утешения: лингвопсихологический анализ. Москва-Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2006.

Романов, Немец, Романова, 2006 – *Романов А.А., Немец Н.Г., Романова Л.А.* Дискурсивные практики утешения как конструкты сферы «Я» утешаемого в жизненных сценариях // Вестник Костромского

государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Психологические науки «Акмеология образования». 2006. Т. 12. № 4. С. 96–99.

Романов, Новоселова, 2013 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Медийный дискурс политической угрозы в свете коммуникативного конструктивизма // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации – 2. Материалы международн. научн. конф. (Майкоп, 27-29 октября 2013 г.). Майкоп: Адыгейск. гос. ун-т, 2013. С. 267–272.

Романов, Романова, Воеводкин, 2000 – *Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю.* Имя собственное в политике: Язык власти и власть языка. М.: Лилия ЛТД; ТГСХА, 2000.

Романов, Романова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 3. С. 1–16. Режим доступа: [http:// tverlingua.ru](http://tverlingua.ru)

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Регулятивная специфика распространения «дискурсивно-вирусных» посланий в инфосфере // Жизнь языка в культуре и социуме – 6. Материалы международн. научн. конф. М.: Канцлер, 2017. С. 283–284.

Романов, Романова, 2017а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Специфика внедрения «вирусной» информации в инфосферу // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи. Материалы Международн. научн. конф. Минск (Беларусь) 10-11 мая 2017 г. Минск: Минский гос. лингвист. ун-т, 2017а. С. 83–85.

Романов, Романова, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Нарративный метод спин-докторинговой коммуникации со слотами фреймов // Языковой дискурс в социальной практике: сб. научн. трудов Международн. научно-практич. конф. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2015. С. 251–258.

Романов, Романова, Морозова, 2015а – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования

смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015а. № 2. С. 1–31. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, Новоселова, 2016 – *Романов А.А., Романова Л.А., Новоселова О.В.* Инфосфера как новая регулятивно-меметическая «сетевая территория» // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II-ая Международн. научно-практич. конф.: Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 81–96.

Романов, Романова, Федосеева, 2013 – *Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г.* Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. Москва – Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2013.

Романов, Черепанова, 1998 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. Тверь: Изд-во Герс, 1998.

Романов, Черепанова, Ходырев, 1997 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю., Ходырев А.А.* Тайны рекламы. Тверь: Изд-во Герс, 1997.

Романова, 2005 – *Романова Л.А.* Принцип контрастности в когнитивных практиках структурирования мира вещей // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. Сер. «Акмеология образования». 2005. Т. 11. № 2. С. 36–43.

Романова, 2007 – *Романова Л.А.* Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2007.

Романова, 2009 – *Романова Л.А.* Теория социального конструирования и композитные перформативы // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. Волгоград: ВолГУ. 2009. № 2 (15). С. 68–75.

Романова, 2009а – *Романова Л.А.* Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2009а.

Сёрл, 2002: 132-133 – *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. Пер с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002.

Тоффлер, 2004 – *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004.

Тоффлер, Тоффлер, 2004 – *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Война и антивоенная: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. Пер. М.Б. Левина. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Трайндл 2007: 13, 17 – *Трайндл А.* Нейромаркетинг. Визуализация эмоций. Пер. с нем. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.

References

Alekseev, A., Alekseeva, I. (2016) Information war in the information society // *Voprosy Filosofii*, № 11, pp 5–14 (in Russian).

Astahov, M., Rostovcev, Ju., Jafrakov M. (2007) *Information struggle and sign systems*, M., Tom (in Russian).

Barabashi A., Bonabo J. (2003) Non-scalable networks // *V mire nauki*, № 8, pp. 55–63 (in Russian).

Belyj, A. (1991) *On the meaning of knowledge*, Minsk, Polifakt (in Russian).

Bekker, K. (2002) *Tactical Reality Dictionary, Cultural Intelligence and Social Control*, Vienna, Selene (in Russian).

Ershova, T. (2014) Information warfare and eternal values// *Informacionnoe obshchestvo*, № 1, pp. 3–4 (in Russian).

Kastels, M. (2004) *Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society*, Ekaterinburg, U-Faktorija (in Russian).

Kastels, M. (2016) *Power of Communication*, M., Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki (in Russian).

Kelli, Dzh. (2000) *Psychology of Personality. Theory of personal constructs*, SPb, Rech (in Russian).

Kokoshin, A. (2014) Interaction of politics and military strategy: theoretical

and applied questions // *Voprosy Filosofii*, pp. 3–13(in Russian).

Kokoshin, A. (2016) Several dimensions of war // *Voprosy Filosofii*, pp. 6–19(in Russian).

Libicki, M. (1996) *What is information warfare?* Washington: National Defense Univ. etc., // <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/ndu/infowar/a003ch01.html>

Libicki, M. (2007) *Conquest in cyberspace. National security and information warfare*, Cambridge, Cambridge Univ. Press.

Makljuven, M. (2004) The tool itself is the content // *Informacionnoe obshchestvo*, pp. 341–349(in Russian).

Pajk, K. (1992) American intonation: paradigmatics and syntagmatics // *Voprosy jazykoznanija*, № 1, pp. 8–24 (in Russian).

Pochepcov, G. (1999) *Information war. The fundamentals of military-communicative research*, Rovno (in Russian).

Pochepcov, G. (2000) *Psychological wars*, M., Refl-buk, M., Vakler (in Russian).

Pochepcov, G. (2015) *Information war. A new policy tool*, OOO «TD Algoritm», M. (in Russian).

Raskin, A. (2015) Some philosophical aspects of information warfare // *Informacionnye vojny*, № 3 (35), pp. 18–21 (in Russian).

Rashkoff, D. (2003) *Mediavirus. How Pop Culture Secretly Affects Your Consciousness*, M., Izdatelstvo: Ultra. Kultura (in Russian).

Romanov, A. (1988) *System analysis of regulatory means of dialogical communication*, M., IJa AN SSSR; Kalininskij SHI, (in Russian).

Romanov, A. (1995) *Grammar of business conversations*, Tver, Familija (in Russian).

Romanov, A. (1999) Verbal conflict in a dialogical "game" // *HOMO LUDENS / Chelovek igrajuščij: Jazyk, lichnost, socium*, pp. 12–25 (in Russian).

Romanov, A. (1999) Conflict discourse policy // «*Politicheskij diskurs v Rossii – 3*». *Materialy rabocheho soveshhanija 27-28 marta 1999*, Ch.1, pp.123–

26 (in Russian).

Romanov, A. (2000) The image of the politician in the mirror of his own evaluative speech actions // *Problemy imidzhologii: Materialy 1-oj mezhdunarodnoj konf. 8–9 fevralja 2000*, pp. 29–40 (in Russian).

Romanov, A. (2000) Evaluation as a way of fixing conflicts in the speech behavior of a politician // *Politicheskij diskurs v Rossii – 4. Materialy rabochego soveshhanija 22 aprelja 2000*, pp. 83–89 (in Russian).

Romanov, A. (2001) Evaluation as a way of fixing and interpreting conflicting forms of speech communication (on the basis of the speech discourse policy) // *TEKST versus DISKURS: Problemy ponimanija i interpretacii*, pp. 96–106 (in Russian).

Romanov, A. (2002) Political linguistics: a functional approach. M.-Tver, IJa RAN, TGSHA (in Russian).

Romanov A.A. (2004) Suggestive model of speech communication: Manipulation or play with meanings? // *Homo mendax / Chelovek lzhivy*, pp. 3–26 (in Russian).

Romanov, A. (2015) Spin-Doctoring Implementation of Mental Representations in Internet Communication // *Language, Communication and Social Environment*, Vyp. 13, pp. 87–116 (in Russian).

Romanov, A. (2016) The mechanism of propagation of "viral" ideas in the infosphere of regulative-memetic reality // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 1–19. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A. (2016) "Window of discourse" as a regulatory mechanism for the distribution and implementation of "viral" information: two approaches // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 4. P. 1–35. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A. (2016) Beneficial meanings in the informative media sphere // *Mezhkulturnaja komunikacija: teorija i praktika. Sb. nauchn. trudov HVI Mezhdunarodn. nauchno-praktich. konf. «Lingvisticheskie i kulturologicheskie*

tradicii i innovacii», pp. 221–227 (in Russian).

Romanov, A. (2017) "The Window of Discourse" as a technology for changing the notion of reality // *Jazykovej diskurs v socialnoj praktike: Materialy Mezhdunar. nauchno-prakt. konf*, pp. 205–214 (in Russian).

Romanov, A. (2017) Digital communication and its role in the media space of the information society // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 4. S. 1–20. Rezhim dostupa: [http:// tverlingua.ru](http://tverlingua.ru) (in Russian).

Romanov, A., Cherepanova, I. (1998) *Language suggestion in pre-election communication*, Tver, Izd-vo Gers (in Russian).

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Ju., Hodyrev, A.A. (1997) *Secrets of advertising*, Tver, Izd-vo Gers (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E. (2014) Spin-doktoring implementation of the "principle of the causal sequence" of mental representations in the structure of the frame configuration // *Aktualnye problemy sovremennoj medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom. Mezhdunarodn. nauchn. Seminar*, Ch. , pp. 158–164 (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E. (2015) Manipulative communication in the system of network "information wars"// *Zhizn jazyka v kul'ture i sociume –5. Materialy mezhdunarodn. nauchn. konf*, pp. 225–226 (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E. (2016) Semantic manipulation as a form of network impact // *Psiholingvistika i leksikografija: sb. nauchn. trudov*, Vyp. 3, pp. 166–169 (in Russian).

Romanov, A., Nemeč, N. (2006) *Discourse of Consolation: Linguopsychological Analysis*, M.-Tver, IJa RAN, Tverskaja GSHA (in Russian).

Romanov A., Nemeč N., Romanova L. (2006) Discursive practices of consolation as constructs of the "I" sphere consoled in life scenarios // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, Ser. Psihologičeskie nauki «Akmeologija obrazovanija», Vyp. 12, № 4, pp. 96–99 (in Russian).

Romanov, A., Novoselova, O. (2013) Media Discourse of Political Threat in the Light of Communicative Constructivism // *Kross-kulturnoe prostranstvo literaturnoj i massovoj komunikacii – 2. Materialy mezhdunarodn. nauchn. konf. (Majkop, 27-29 oktjabrja 2013)*, pp. 267–272 (in Russian).

Romanov, A., Romanova, E., Voevodkin, N. (2000) *A proper name in politics: The language of power and the power of language*, M., Liliya LTD, TGSHA (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L. (2012) Mimesis and performative knowledge of use social practices in the communicative space homo loquens // *Interdisciplinary Researches in The 21-st Century: Creation and Creativity in a modern European tducation. Conference Proceedings*, Oradea, EdituraIniversităţii Emmanuel din Oradea (Romania), pp. 322–325.

Romanov, A., Romanova, L. (2012) Composite performatives as types of social semiosis's cryptoclass // *Collection: Modern Approaches to Linguistics, Literature and Cultural Studies*, Vol. 2, Utah (USA), Centre for Research, Resources and European Studies, Eco Academic Pablishing House Sandy, pp. 207–214.

Romanov, A., Romanova, L. (2015) Memetic mechanism of designing media meanings of information confrontation // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 3. P. 1–16. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L. (2017) Regulatory specificity of the distribution of "discourse-viral" messages in the infosphere // *Zhizn jazyka v kul'ture i sociume – 6. Materialy mezhdunarodn. nauchn. konf.*, pp. 283–284 (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L. (2017) Specificity of introducing "virus" information into the infosphere // *EksPLICITNOE I IMPLICITNOE V JAZYKE I RECHI. Materialy Mezhdunarodn. nauchn. konf. Minsk 10-11 maja 2017*, pp. 83–85 (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L., Morozova, O. (2015) Narrative method of

spin-doctoring communication with frame slots // *Jazykovej diskurs v socialnoj praktike: sb. nauchn. trudov Mezhdunarodn. nauchno-praktich. konf*, pp. 251–258 (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L., Morozova, O. (2015) Frame matrix of spin-doctoring design of meanings in the system of public communications // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 1–31. Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L., Novoselova, O. (2016) Infosphere as a new regulative-memetic "network territory" // *Diskurs sovremennyh mass-media v perspektive teorii, socia'noj praktiki i obrazovanija: II-aja Mezhdunarodn. nauchno-praktich. konf.: Aktualnye problemy sovremennoj medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom*, pp. 81–96 (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L., Fedoseeva, E. (2013) *Performative ritual acts of sacral communication*, M.-Tver, IJa RAN, Tverskaja GSHA (in Russian).

Romanova, L. (2005) The principle of contrast in the cognitive practices of structuring the world of things // *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. Nekrasova. Nauchno-metodicheskij zhurnal. Ser. «Akmeologija obrazovanija»*, T. 11, № 2, pp. 36–43 (in Russian).

Romanova, L. (2007) *Constructive semantics of the cryptoclass of English adjectival size in diachrony and synchrony*, M.-Tver, IJa RAN, TGSHA (in Russian).

Romanova, L. (2009) The theory of social design and composite performatives // *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2. Jazykoznanie*, № 2 (15), pp. 68–75 (in Russian).

Romanova, L. (2009) *Structural and semantic aspects of composite performatives in the functional paradigm of language*, M.-Tver, IJa RAN, TGSHA (in Russian).

Sjorl, Dzh. (2002) *Reinventing consciousness*, M., Ideja-Press (in Russian).

Toffler, Je. (2004) *The Third Wave*, M., OOO «Firma «Izdatelstvo AST» (in Russian).

Toffler, Je., Toffler H. (2005) *War and anti-war: What is war and how to fight it. How to survive at the dawn of the twenty-first century*, M., ACT: Tranzitkniga (in Russian).

Trajndl, A. (2007) *Neuromarketing. Visualization of emotions*, M., Alpina Biznes Buks (in Russian).

Vygotskij, L. (1982) Instrumental method in psychology // *Problemy obshhej psihologii*, Vol. 1, pp. 103–108 (in Russian).

Vygotskij, L. (1982a) Thinking and speaking // *Problemy obshhej psihologii*, Vol. 2, pp. 6–361(in Russian).